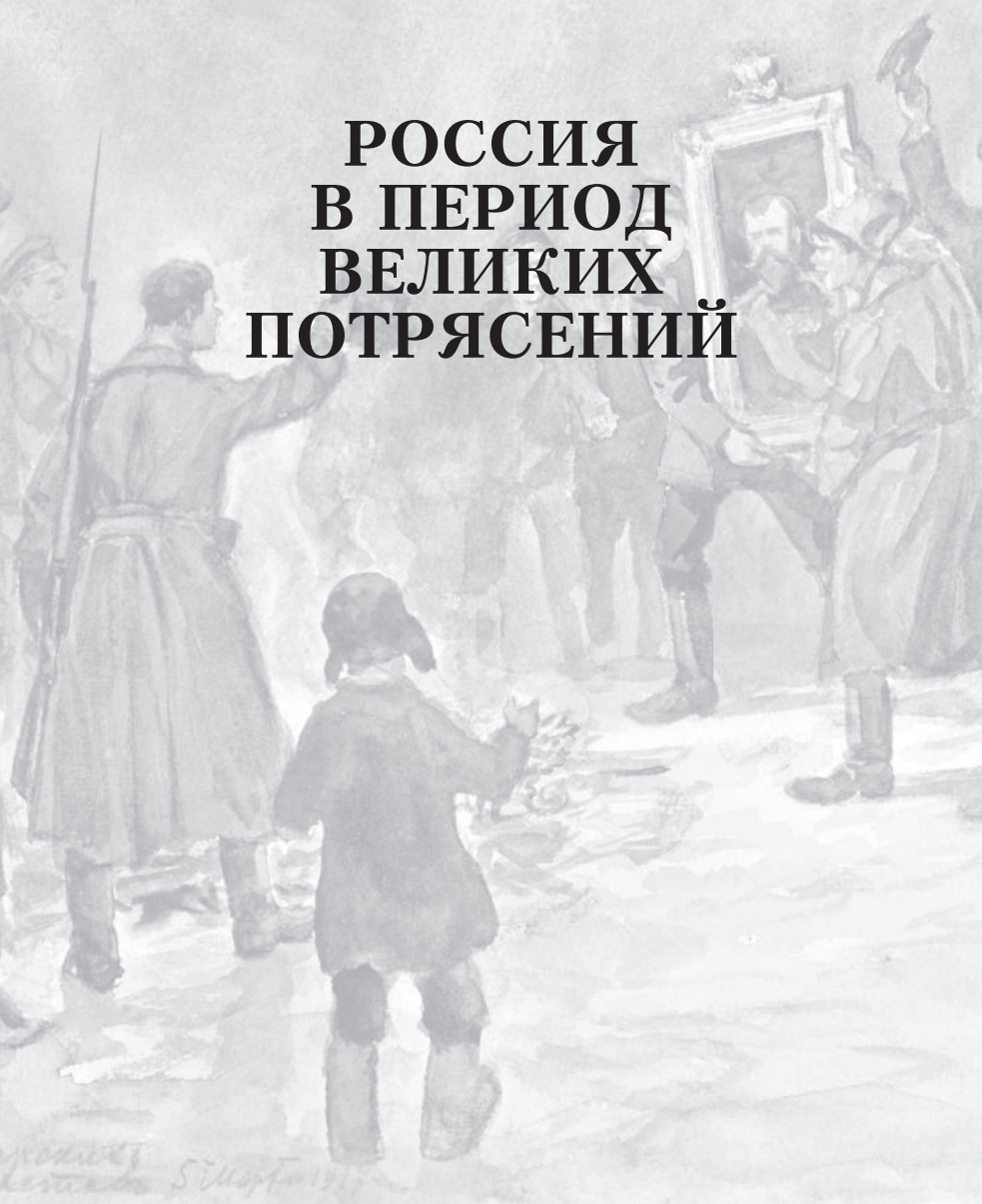

Раздел IX

РОССИЯ В ПЕРИОД ВЕЛИКИХ ПОТряСЕНИЙ

Глава 56.

Россия в Первой мировой войне

§ 1. Система международных союзов. «Балканский узел»

В начале XX в. среди ведущих мировых держав все явственней обозначивались контуры военно-стратегических союзов. Второстепенные противоречия отходили на задний план, и в мировой политике начинали доминировать коренные имперские интересы и генеральные цели. Так как главные мировые события в тот период непосредственно замыкались на Париже, Лондоне, Берлине, Петербурге, то отношения между этими четырьмя странами и определяли общую геополитическую ситуацию.

Неприязнь между Лондоном и Берлином не только не уменьшалась, но и приобрела непреодолимый характер. При наличии системы военно-стратегических блоков — «Тройственного союза» и русско-французского союза — оставаться и дальше в состоянии «блестящего одиночества» Великобритании становилось все труднее. Ее островное положение уже не гарантировало безопасность в случае военного столкновения в Европе, а мощное наращивание

вооружений Германией, в том числе и создание сильного военно-морского флота, делало старые географические преимущества призрачными.

В начале века Великобритании и Франции удалось преодолеть существовавшие разногласия и заключить союзническое соглашение. Это открывало возможность сблизить позиции между Лондоном и Петербургом, хотя подобного достичь было значительно сложнее, чем между Лондоном и Парижем. В подобном развитии были заинтересованы обе стороны, и преодоление старых антипатий и предубеждений делалось для двух стран действительно необходимым.

В 1906 г. начались дипломатические переговоры между Россией и Великобританией с целью урегулировать наиболее острые разногласия между двумя империями — в Азии. Они тянулись год, и весной 1907 г. появились сообщения в прессе, что стороны близки к достижению соглашения. Во Франции эта новость вызвала радость, в Германии — разочарование и недовольство.

Договор между Россией и Великобританией был подписан 18 (31) августа 1907 г. Эпоха враждебного отчуждения подходила к концу. Две страны вступали в новую полосу в своих отношениях. Англия отказывалась от прав на Тибет (формально находившийся в составе Китая, но фактически состоявший в полном подчинении англичан). Обе страны признавали в этом районе суверенитет Китая. Россия отказывалась от притязаний на Афганистан; обе державы обязывались уважать неприкосновенность и независимость этого государства. Третьим важным пунктом разграничения интересов была Персия (Иран). Россия и Великобритания делили эту страну на три сферы влияния: северная часть признавалась сферой коммерческих и стратегических интересов России, восточная — Великобритании, а центральная часть оставалась нейтральной зоной. Одновременно Лондон и Петербург брали на себя обязательства гарантировать целостность и неприкосновенность Персии.

К концу 1907 г. уже определенно обозначилась геополитическая коалиция, включавшая Францию, Россию

и Англию. Она получила название «Тройственного соглашения» («Антанта»). Хотя между Петербургом и Лондоном не было заключено военной конвенции, но достигнутая договоренность сближала позиции двух стран. Это особенно проявлялось в Европе, где их интересы все ближе и ближе смыкались перед угрозой германского гегемонизма.

В 1908 г. в отношениях между Лондоном и Петербургом произошло еще одно важное событие: с официальным визитом в Россию прибыл английский король Эдуард VII (сын покойной королевы Виктории). Это был первый за всю историю визит английского монарха в Россию (второй визит состоялся лишь в 1994 г., когда Россию посетила королева Елизавета II).

Поездка долго обсуждалась в Великобритании, и реакция на нее не была однозначной. Либеральное общественное мнение считало подобный визит неуместным, так как согласно непререкаемому либеральному канону Россия находилась «во власти деспотии» и «Его Величеству» не следует демонстрировать свои симпатии. Никто не ставил под сомнение возможность поддержания родственных связей между правящими династиями. Вдовствующая русская царица Мария Федоровна приходилась сестрой английской королеве Александре (супруге Эдуарда VII), а супругой Николая II была внучка королевы Виктории. Сам же русский царь приходился племянником королю Эдуарду VII и двоюродным братом королю (с 1910 г.) Георгу V.

В конце концов была изобретена такая форма визита, которая хоть и могла рассматриваться нежелательной в России, но в Англии ее трудно было оспорить. Встреча между королем и царем состоялась в Ревеле (Таллине). Точнее говоря, не в самом городе, а на рейде ревальского порта, в территориальных водах России. Собственно на землю король и королева так и не ступили. Все переговоры происходили на королевской и на царской яхтах.

Монархи впервые обсуждали возможность войны с Германией. Англичане призывали царя укрепить военные

позиции и готовиться к предстоящей схватке. Но такая перспектива русской стороной не считалась единственно возможной. В России были уверены, что войны можно избежать, разрешая возникающие противоречия дипломатическими средствами. Хотя разногласия оставались, но в заключительном коммюнике обе стороны заявили о полном совпадении взглядов «по всем международным вопросам». Укрепление отношений с Британией стало важнейшим приоритетом внешней политики России. Давая аудиенцию английскому послу Дж. Бьюкенену, император заявил: «Я могу только сказать Вам, как говорил часто и раньше, что мое единственное желание — это прочная дружба с Англией, и я сделаю все зависящее от меня, чтобы ничто не помешало теснейшему согласию между нашими странами».

Заключая союзническое соглашение с Францией и договор с Англией, в России отнюдь не склонны были демонстрировать враждебное отношение к другим державам, и прежде всего по адресу Германии. Отношения между Берлином и Петербургом оставались в центре внимания российской дипломатии, а все, что касалось этой темы, находилось под неусыпным контролем самого царя.

Потом, когда случались и мировая война, и последующие социальные потрясения, и в России, и в Германии много размышляли о том, почему же все-таки две монархии, связанные общностью исторической судьбы, родственно-династическими связями, тесными торговыми отношениями, оказались по разные стороны фронтовой линии. Тем более что никаких прямых противоречий, территориальных претензий друг к другу у них не было. При том, что и в Берлине, и в Петербурге прекрасно понимали, что возможное военное столкновение между Россией и Германией чревато тяжелыми последствиями для обеих стран.

Либералы в России ратовали за тесные отношения с Англией и Францией, считая, что в этом залог укрепления и развития «парламентаризма» и «демократии», видя в любом сближении с Германией лишь «проявление реакционного

курса». В то же время консерваторы отстаивали идею союза с Берлином, полагая, что именно таким путем можно укрепить монархическую идею и консервативные тенденции в Европе и в России. В таких утверждениях была своя правда. Тем сложнее понять коллизию, почему последние цари, являясь в общем-то носителями консервативных представлений, последовательно поддерживали союз с республиканской Францией, а позднее прилагали немало усилий для сближения с Великобританией, где власть монарха во многом носила номинальный характер и где были очень сильны антирусские настроения.

Ответ может быть только один: политическая целесообразность. Она диктовала курс, отвечающий интересам Российской империи, как их понимали, формировали и отстаивали в российских коридорах власти. Именно подобная политика заставила Россию недвусмысленно выступить в поддержку Франции, когда в 80-е гг. XIX в. германский канцлер О. Бисмарк, неудовлетворенный до конца результатами франко-прусской войны 1870 г., вынашивал планы «добить исконного врага Германии». Именно позиция России спасла тогда Францию от нового, еще более мощного удара восточного соседа, хотя между Россией и Францией в тот период не было никаких союзнических соглашений.

Сложный рисунок отношений между Россией и Германией и в XIX в., и особенно в начале XX в. обуславливался различными факторами. В создании атмосферы сначала отчуждения, а потом плохо скрываемой вражды и, наконец, военного противостояния сыграли свою роль различные причины, и одна из главных среди них — личные отношения между последним царем и кайзером.

Вильгельм II, еще до того как стать королем Пруссии и императором Германии, пользовался незавидной репутацией среди родственников. Бабушка, английская королева Виктория, относилась к нему с плохо скрываемой антипатией. Его же мать, германская императрица Виктория (супруга германского кронпринца, затем императора

Фридриха III, урожденная английская принцесса Виктория-Фредерика, дочь королевы Виктории), просто ненавидела сына и нередко публично демонстрировала свои чувства. Его считали бездушным, сумасбродом, солдафоном, человеком, способным на низость.

В поступках и поведении Вильгельма трудно было разглядеть то, что свидетельствовало бы о соответствующем его положению воспитании. Хотя он являлся безусловно образованным человеком, но светские манеры ему всегда были в тягость. Формируясь в атмосфере нелюбви, принц с ранней молодости стал замкнутым, порой нелюдимым, а его самолюбие и амбиции приобрели просто болезненные формы. Когда в 1918 г. в Германии свершилась революция и кайзер бежал в Голландию, то на его родине появились утверждения о том, что он «был психически больным человеком». Но подобное умозаключение вряд ли отражало истинное положение вещей.

Обо всех чертах личности «повелителя Германии» цари и их ближайшее окружение прекрасно были осведомлены. И если Александр III как человек более резкий не очень скрывал свое нерасположение к прусскому родственнику (хотя ему приходилось с ним встречаться и даже принимать один раз у себя уже в качестве императора), то Николай II придерживался иной линии поведения.

У них была заметная разница в возрасте: Вильгельм родился в 1859 г., Николай — в 1868 г. Они познакомились еще тогда, когда в России на троне находился Александр III, а в Германии — Вильгельм I (дедушка Вильгельма II). Разность в темпераменте и несхожесть манер не сделали русского цесаревича и германского принца друзьями, но у них установились доверительные отношения, сохранявшиеся долгие годы. Они писали друг другу письма, значительная часть которых была потом опубликована.

По восшествии на престол Николая II германский император вознамерился играть роль «старшего брата» и ментора при молодом русском царе. «Друг Вилли» регулярно корреспондировал «дорогому Ники», использовал любой

повод для личной встречи и всегда давал советы, делал оценки, предлагал решения. Царя и царицу раздражали манера общения, навязчиво-назидательный тон речей и посланий кайзера, как и их содержание.

Александра Федоровна с ранней юности питала стойкую, почти физическую неприязнь к своему кузену и всячески избегала любых встреч и контактов с ним. Ирония же судьбы состояла в том, что во время Первой мировой войны именно ее, ненавистницу кайзера, беспощадная молва будет обзывать «агенткой Вильгельма». Но конечно же не эти личные антипатии стали причиной разлада русско-германских межгосударственных отношений.

Кайзер последовательно отстаивал близкую и сердцу русского царя идею о необходимости тесных, дружественных отношений между Германией и Россией. Николая II не надо было в этом убеждать. Но то, что конкретно предлагал «дорогой Вилли» для достижения этой «жизненно важной цели», в большинстве случаев не соответствовало геополитическим приоритетам, интересам России. Для «истинного сближения», по замыслу кайзера, Россия должна была дезавуировать союз с Францией, отказаться от всякого сближения с Англией и обратить свое главное внимание на Восток, в Азию, откуда Европе якобы угрожала «желтая опасность». Это был излюбленный мотив Вильгельма II, который из его уст звучал постоянно.

Правда, оставался «балканский узел», где у России имелись давние интересы, старые привязанности, исконные исторические цели. На Балканах усилению позиций России с конца XIX в. противодействовала не столько Турция, но в первую очередь Австро-Венгрия, ближайший партнер и союзник Германии. Для Берлина же теснейший альянс с Веной являлся краеугольным камнем всей внешнеполитической деятельности. Балканскую тему германский император старался не развивать в своих переговорах и переписке с царем, прекрасно зная, что она для России является чрезвычайно острой и больной. Но «предать забвению» этот важнейший клубок европейских противоречий

не удалось, и именно события на Балканах стали детонатором Первой мировой войны.

Ухищрения германского императора не оказывали существенного влияния на русский внешнеполитический курс, одним из важнейших постулатов которого было поддержание, насколько возможно, добрососедских отношений с Германией. Но подобное было возможно лишь при совместных усилиях обеих стран. В Берлине же твердо были уверены, что при сохранении союзнического договора с Францией Россия не может рассчитывать на дружбу Германии. Противоречия же между ней и Францией были непреодолимы, так как касались территориального спора о районах Эльзаса и Лотарингии, отторгнутых от Франции во время франко-прусской войны. В Берлине полагали, что принадлежность этих территорий рейху не может служить темой обсуждений, а Париж в самой категорической форме требовал возврата того, что было добыто в результате «военного насилия». В этом были солидарны общественные круги Французской республики.

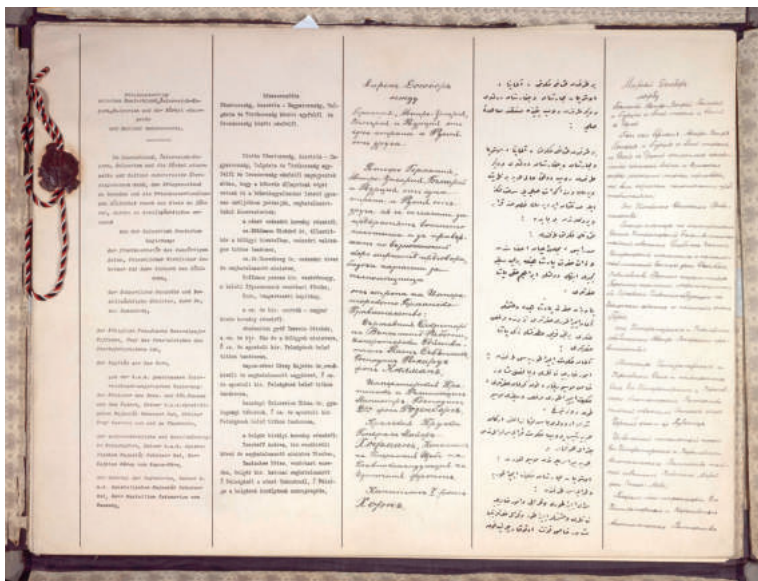
Лишь один раз, как показалось Вильгельму II, его непрерывные воздействия на царя увенчались успехом, и долгожданная цель — разрушение франко-русского союза — близка к достижению. Это произошло в июне 1905 г., когда во время свидания в финских шхерах кайзер и царь подписали так называемый Бьёркский договор. Общая ситуация для России в тот момент была неблагоприятной. Только недавно, в мае 1905 г., в морском сражении при Цусиме русский флот был разбит, и война с Японией становилась бесперспективной, внутри же страны с каждым днем множились социальные волнения. На мировой дипломатической сцене дела не были благоприятны. Франция заключила в 1904 г. договор с Англией и не оказала никакой практической поддержки России во время дальневосточного кризиса. Российская дипломатия теряла почву под ногами. В этих условиях царь согласился во время краткосрочного отдыха на яхте встретиться с германским императором, прибывшим в Бьёрке (около Выборга) на своей яхте «Гогенцоллерн».

Ничто не сулило никаких осложнений, и встреча походила на обычную, не раз до того происходившую. Но кайзер считал иначе и решил, воспользовавшись тяжелыми политическими условиями России, сделать не предусмотренный заранее шаг. Он предложил царю подписать союзнический договор с Германией. Это предложение было неожиданным, но сулило выход из дипломатической изоляции. Конечно же сразу возникла тема о союзе с Францией, и кайзер заверил царя, что в дальнейшем к соглашению может присоединиться и Франция. Царь был не настолько наивен, чтобы не знать глубины и остроты франко-германских разногласий, но он полагал, что поддержание мира в Европе соответствует желаниям всех стран, а существующие проблемы можно будет урегулировать дипломатическими средствами. И Николай II поставил свою подпись под текстом на листе, который «случайно» оказался в кармане кайзера.

Вскоре после события Вильгельм II в характерной для него напыщенной манере самовосхваления описал происшедшее. «Хотите Вы это подписать? Это будет очень милым воспоминанием о нашем свидании», — заметил кайзер, после того как царь трижды прочитал предложенный текст. В ответ на это последовал утвердительный ответ царя. Происшедшее далее в каюте русской императорской яхты «Полярная звезда» в изложении германского императора выглядело следующим образом: «Я открыл чернильницу, подал ему перо, и он подписал “Николай”. Затем он передал перо мне, и я тоже подписал. Когда я встал, он, растроганный, заключил меня в свои объятия и сказал: “Благодарю Бога! Я благодарю Вас. Это будет иметь самые благоприятные последствия для моей страны и для Вашей”. Казалось, исполнилось давнее заветное желание «дорогого Вилли». Кайзер не скрывал восторга: «Слезы радости наполнили мои глаза, и я подумал: Фридрих Вильгельм III, королева Луиза, дедушка и Николай I, наверное, смотрят на нас в эту минуту и радуются вместе с нами!»

Подписание соглашения о перемирии 15 (28) декабря 1917 года
Федеральный архив Германии

Ксерокопия первой страницы Брест-Литовского мирного договора между Советской Россией и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией. 3 марта 1918 года. Слева направо колонки написаны на немецком, венгерском, болгарском, османском турецком и русском.
Политический архив Министерства иностранных дел Германии

Прореспубликанская демонстрация в Петрограде. Март 1917 года
Фото из книги Дж. Стинтона «Russia in revolution by an eye-witness»,
Лондон, 1917

Сожжение государственных гербов и корон у Аничкова моста
в Петрограде. 1917 год
Фото из книги Дж. Стинтона «Russia in revolution by an eye-witness»,
Лондон, 1917

И.А. Владимиров. Вандализм в Зимнем дворце в декабре 1917 года
Из коллекции Гуверовского архива, США

И.А. Владимиров. Реквизиция церковных сокровищ в Петрограде
5 мая 1922 года
Из собрания библиотеки Брауновского университета, США

Владимир Ильич Ленин на празднике войск Всеобуча (Всеобщее военное обучение). Первомайская демонстрация. Красная площадь. 1919 год
© А.А. Левицкий / РИА Новости

Выступление Ленина в Москве 5 мая 1920 года с призывом к рабочим идти на польский фронт. Справа от трибуны — Л. Троцкий, сзади него — Л. Каменев.

Фотограф Г.П. Гольдштейн

Генеральный секретарь ЦК КПСС И.В. Сталин (в центре), председатель ЦИК Союза ССР М.И. Калинин (справа), нарком по военным и морским делам, председатель РВС СССР К.Е. Ворошилов (слева) среди делегатов XVI съезда ВКП(б) в Москве. 26 июня 1930 года
© *РИА Новости*

Иосиф Сталин (в центре) и Никита Хрущев (внизу слева) с делегатами XIV съезда Российской коммунистической партии (большевиков). Декабрь 1925 года